

А.Э.Котов

РОЖДЕНИЕ ПОЛИТИКИ ИЗ ДУХА УВАРОВСКОЙ ТРИАДЫ

Иванов А.А. Правые в русском парламенте:
от кризиса к краху (1914–1917). —
М., СПб.: Альянс-архе, 2013. — 520 с.

Ключевые слова: правые, парламент, консерватизм, Государственная дума, Государственный совет

¹ Иванов [Ivanov]
2006, 2011.

Новая монография известного петербургского историка продолжает две предыдущие¹ и, как обе прошлые книги, представляет интерес не только в академическом плане. Мучительное и, как кажется, не завершившееся детство русского парламентаризма настоятельно требует вмешательства «клиотерапевта» (термин Б.Н.Миронова). А.А.Иванов блестяще справляется с этой ролью. Читатель, вне сомнения, отметит сдержанные интонации автора, колоссальный объем использованного архивного материала, а главное — ряд концептуальных особенностей, делающих книгу одним из важнейших современных исследований по русской истории XX в. К этим особенностям следует отнести прежде всего хронологические рамки и предмет исследования. Перед нами первая комплексная работа, «охватывающая оба представительных учреждения Российской империи» (с. 3) в годы Первой мировой войны.

Правые фракции Государственной думы и Государственного совета предстают в монографии единым политическим организмом: «неформальные связи членов правых объединений обеих законодательных палат, их консультативная деятельность, идентичность названий, а также явно заметная солидарность по основным вопросам политической жизни дают полное право воспринимать их как два крыла одной политической силы» (с. 75). Этот организм жил по своим, не всегда соответствующим духу времени законам. Любопытно, что не соответствовали эпохе не столько «мракобесие» и «реакционность» правых, сколько, наоборот, «умеренность и аккуратность» их программы. Приводя «основные постулаты монархистов», Иванов отмечает, что эта программа была «реально более выполнимой, нежели предвыборные обещания их политических противников», но именно поэтому «заранее непопулярной для большинства избирателей» (с. 59).

Защищаемое правыми «священное право собственности» (прежде всего дворянской — на землю) не вызывало энтузиазма в стремительно радикализирующейся стране, да и в иные времена вряд ли могло стать «национальной идеей». Не случайно Л.А.Тихомирова в 1882 г. так потряс контраст между Россией и Европой именно в этом отношении: «Это огромное количество труда меня поразило... Я сначала не понимал

загадки, которую мне это ставило, пока, наконец, для меня не стало уясняться, что это собственность, это „капитал“, миллиарды миллиардов, в сравнении с которыми ничтожество наличный труд поколения. Что такое у нас, в России, прошлый труд? Дичь, гладь, ничего нет, деревянная дрянь, никто не живет в доме деда, потому что он еще при самом дедушке два раза сгорел. Что осталось от деда? Платье? Корова? Да ведь и платье истрепалось давно, и корова издохла»². Поэтому совершенно закономерным является эпизод, когда «на собрании крестьянских депутатов, созванном [30 октября 1913 г.] по инициативе крестьян-прогрессистов, правые крестьяне заявили, что они совершенно не согласны с той политикой, которую проводят в их фракции „господа“, но просили их не оглашать их признание, так как лидеры фракции правых постоянно пугают их возможностью роспуска Думы и грозят им всевозможными личными репрессиями» (с. 186).

² Тихомиров [Tikhomirov] 2003: 190.

Годы Великой войны — пожалуй, самый сложный период истории русского консервативного движения: «Предвоенное время уже было для правых периодом постепенного упадка (практически он начался с 1908 г.), который лишь усугубился во время войны, приведя в конце концов правый лагерь к полному краху. Это был период спада как численности, так и активности правых сил...» (с. 54). Здесь следует уточнить, что автор относит к правым только так называемых «черносотенцев» и оставляет за рамками исследования фракцию националистов. Это не случайно. Показательны приводимые в монографии замечания националиста А.И.Савенко, соратника В.В. Шульгина, пошедшего на блок с либералами³. В марте 1913 г. Савенко писал: «Отныне я революции не боюсь, она, даже она гораздо патриотичнее, чем наше гнусное правительство, чем вся эта паршивая бюрократия, совершенно равнодушная к России». В апреле 1914 г. к этому будет добавлено: «Все надоело, а непроходимая глупость правительства окончательно охлаждает. Против правительства мы, люди лояльные, идти не можем, но и поддерживать нынешнее правительство не можем. Приходится отойти в сторону и молчать. В этом — трагедия русской жизни» (с. 169). При этом Иванов не скатывается к свойственным многим историкам и публицистам консервативного толка обвинениям националистов в «гнилом либерализме», подчеркивая, что «переход части националистов в лоно Прогрессивного блока был не столь уж безболезненным, поскольку правые были им, безусловно, ближе кадетов, и лишь уверенность части националистов в том, что правые не способны совладать с ситуацией и губят Россию своей бескомпромиссностью и упрямством, толкнула их на этот шаг» (с. 155).

³ Иванов [Ivanov] 2010; Пученков [Puchenkov] 2012: 175—178.

Критерий принадлежности к правым, с точки зрения автора, предельно прост: следование уваровской триаде «православие, самодержавие, народность». Однако означала ли эта приверженность безусловную лояльность к властям? Ключевой для понимания непростых отношений между властью и «черносотенцами» является фигура В.М.Пуришкевича. Создав в своей предыдущей монографии рельефный портрет этого

политика, Иванов дополняет его новыми штрихами. Немало сказано в книге и о вкладе Пуришкевича в дискредитацию русской монархии: «Позже выяснилось, что большинство обвинений Пуришкевичем высших государственных лиц в измене голословны, что его разоблачения основаны не на достоверных фактах, а лишь на личных тревогах, подозрениях, на непроверенных слухах и сплетнях... Обвинения, брошенные Пуришкевичем, соответствовали настроениям общества и как бы подтверждали правоту многочисленных слухов и публикаций оппозиционных газет» (с. 331).

⁴ Характерна в этом плане реплика Б.Л. Пастернака: «Когда я прочел воззвание Пуришкевича к забвению всякой племенной розни — не выдержал и разрыдался» (цит. по: с. 337).

Но только ли личный темперамент способствовал тому, что правый политик поплыл по течению потока предреволюционной общественной истерии?⁴ Исследователь не отрицает в этом ренегатстве и некоторой доли политического прагматизма: «Обладая хорошим политическим чутьем, Пуришкевич осознавал, что общество стремительно радикализуется, что власть теряет поддержку, а непопулярное правительство делает борьбу безнадежной... За девять месяцев до своей нашумевшей речи он откровенно признал с думской кафедры, что в сложившихся условиях только критика власти способна сохранить весомость политика-монархиста в глазах народа» (с. 345).

Но главной причиной разрыва оказывается неоднозначная позиция самой власти по отношению к правым: «Несмотря на регулярную финансовую поддержку правых организаций вплоть до 1917 г. и активное вмешательство правительства в предвыборную кампанию с целью провести проправительственное большинство, власть стремилась обуздать „излишнюю“ активность и самостоятельность правых партий и союзов, направляя ее в удобное для себя русло». Причину этого историк видит в том, что «правительство стеснялось ультраправых взглядов своих добровольных защитников, столь непопулярных в „культурном обществе“» (с. 55).

⁵ ОР РГБ [ОР РГБ]. Ф. 126. К. 9. Л. 111.

Впрочем, думается, дело здесь не столько в «стеснительности» российской бюрократии, сколько в другом ее качестве. Еще в 1890-е годы А.А. Киреев отмечал, что правительство «старается подобрать себе слуг, но все одевает их в ливреи, а от ливрей порядочные люди отказываются. Запрещая говорить *не* лакеям, *желающим* поддержать Православие, самодержавие и народность... — зажимают рты»⁵. Другой правый, Ю.С. Карцов, констатировал: «Общественной самодеятельности правительство не признавало, предложение содействия, от кого бы оно ни исходило, отклоняло заранее, между друзьями и недругами разницы не делало. Из боязни — на верхах они найдут отклик и заставят переменить решения, уже принятые, — проявления консервативной мысли преследовались еще беспощаднее, нежели проявления мысли либеральной»⁶.

⁶ Карцов [Karcov] б.з.

Еще одна проблема русского правого движения — «вечный спор славян между собою»: «правый лагерь был ослаблен постоянными внутренними расколами и распрями, а следовательно, был вынужден бороться не только с либеральным и революционным движениям, но и с внутренними „ересями“» (с. 55). Помимо раскола между входившими

в состав движения социальными группами, автор книги указывает и на расхождения между лидерами: «Несмотря на кажущееся стороннему наблюдателю единомыслие тандема Марков — Пуришкевич, между этими правыми политиками было далеко не все гладко, что прекрасно показали события времен Первой мировой войны» (с. 66).

Перед читателем проходит целая галерея правых политиков, из которых самыми яркими (после упоминавшегося уже Пуришкевича) представляются портреты Н.Е.Маркова и П.Н.Дурново. Признавая знаменитую «Записку» Дурново подлинной, автор уделяет ей самое пристальное внимание. Однако он не считает «германофильство» неотъемлемым элементом правой идеологии, вслед за Е.В.Тарле фиксируя два направления в консервативной политике: «одно, основанное на инстинкте самосохранения, другое, не учитывавшее веяний этого инстинкта и поэтому гораздо более активное», то есть условно «националистическое» (с. 86). Последнее направление восходило к либеральному панславизму И.С.Аксакова и идеям катковского последователя С.С.Татищева⁷. Судя по монографии, в «черносотенной» среде все же преобладало первое. Не случайно либеральная пресса отмечала «полное отсутствие у правых славянофильских тенденций» (с. 89).

⁷ *Котов [Kotov]* 2013: 126—127.

Предостерегая против войны с Германией, правые учитывали «комплекс следующих факторов: 1) устойчивость отношений между странами; 2) политическое соответствие государственного устройства; 3) экономический и военно-политический потенциал сотрудничества; 4) сферы пересечения геополитических интересов и возможность мирного разрешения спорных вопросов» (с. 90). Однако с началом войны все это было забыто, и Марков в своих выступлениях фактически повторил прежнего либерального панслависта О.Ф.Миллера⁸: «...В образе тевтонов на нас обрушилось нашествие рабов ветхозаветной морали, которые живут идеалами 2000 лет до нашего времени. Мы видим людей, которые говорят: человек — это германец, человечество — это германский народ, все остальные народы — или вычуженный скот для германцев, или зверье, подлежащее истреблению. „Падающего толкни“ — вот философия истинного германизма» (с. 103). Впрочем, участие в «священном единении» правых не спасло: «Втянувшись в популярную в распропагандированном обществе антигерманскую кампанию и желая получить с нее определенные дивиденды, правые упустили из виду... один очень важный момент» — ее антимонархический характер (с. 247).

⁸ *Котов [Kotov]* 2009: 103—104.

Со второй половины 1915 г. «черносотенцы» не имели перевеса ни в одной из комиссий Государственного совета и фактически перестали быть реальной политической силой (с. 159). Поэтому о правых накануне революции обычно говорят только как о «политических кассандрах». Не случайно в книге приводится типичное для пореволюционной эпохи высказывание В.А.Маклакова — признавшего, что именно правые предсказали неизбежную гибель русского либерализма в поднятых им революционных волнах (с. 386). Но одновременно автор анализирует и последнюю попытку правых повлиять на курс государственного

корабля — записку М.Я.Говорухи-Отрока, поданную в ноябре 1916 г. государю членами кружка А.А.Римского-Корсакова. В этом тексте предлагался целый комплекс мер: «создание правого большинства в Государственном совете, назначение председателя верхней палаты и председателя Совета министров из числа членов правой группы Совета, оживление деятельности правых на местах, подготовка манифеста о роспуске Думы» (с. 402). Однако «требования эти исходили не от правой группы Государственного совета, а лишь от ее немногочисленной радикально-правой части. Как показали последующие события, ни император, ни председатель Совета министров, ни председатель Государственного совета следовать предложенному крайне правыми членами группы курсу не собирались» (с. 409).

В 500-страничном исследовании затрагиваются самые разные аспекты политической деятельности «черносотенцев» — от «священного единения» и помощи фронту в 1914 г. до судеб последних защитников монархии после революции. Русские правые в книге Иванова предстают самостоятельной и незаурядной политической силой, проигравшей не из-за своей бездарности, но из-за трагической верности обреченной российской власти.

Библиография

Иванов А.А. 2006. *Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 г. — февраль 1917 г.)*. — СПб. [Ivanov A.A. 2006. *Poslednie zashhitniki monarkhii: Frakcija pravyykh IV Gosudarstvennojj dumy v gody Pervoj mirovoj vojny (1914 g. — fevral' 1917 g.)*. — SPb.].

Иванов А.А. 2010. А.И.Савенко: метаморфозы русского националиста // *Русский исторический сборник*. Вып. 2. — М. [Ivanov A.A. 2010. A.I.Savenko: metamorfozy russkogo nacionalista // *Russkijj istoricheskijj sbornik*. Вып. 2. — М.].

Иванов А.А. 2011. *Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870—1920)*. — СПб. [Ivanov A.A. 2011. *Vladimir Purishkevich: Opyt biografii pravogo politika (1870—1920)*. — SPb.].

Карцов Ю.С. Хроника распада // *ДРЗ. Ф. 1. М-76(1). Л. 23* [Karcov Ju.S. *Khronika raspada* // *DRZ. F. 1. M-76(1). L. 23*].

Котов А.Э. 2009. «Ученое народничество» Ореста Миллера // *Гуманитарная планета*. № 2 [Kotov A.Eh. 2009. «Uchenoe narodnichestvo» Oresta Millera // *Gumanitarnaja planeta*. № 2].

Котов А.Э. 2013. Два «русских Алкивиада»: К.Н.Леонтьев и С.С.Татищев // *Клио*. № 7 [Kotov A.Eh. 2013. Dva «russkikh Alkiviada»: K.N.Leont'ev i S.S.Tatishhev // *Klio*. № 7].

Пученков А.С. 2012. *Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 — весна 1920)*. — СПб. [Puchenkov A.S. 2012. *Nacional'naja politika generala Denikina (vesna 1918 — vesna 1920)*. — SPb.].

Тихомиров Л.А. 2003. *Воспоминания*. — М. [Tikhomirov L.A. 2003. *Vospominanija*. — M.].